

ЗНАКОМСТВО С Н. А. НЕКРАСОВЫМ

С Николаем Алексеевичем Некрасовым я познакомился в "Фениксе"¹. Тогда еще был он непризнанным поэтом и только что пробовал свои силы в драматургии. Он исправно посещал "Феникс" и заводил дружбу с актерами, которые так или иначе могли содействовать его поползновениям сделаться присяжным драматургом.

В то время Некрасов материально был крайне стеснен и нуждался чуть не в куске хлеба. Я с ним сблизился, и прожили мы с ним неразлучными друзьями несколько месяцев. Он часто оставался у нас ночевать, и мы укладывали его, как и Ленского, на наш полуразрушенный диван, который он шутя прозвал "гробом"². Не умея по молодости лет рассчитывать деньги, я и сам оказывался часто в стесненных обстоятельствах, настолько стесненных, что приходилось отказывать себе в трактирном обеде и довольствоваться каким-нибудь грошовым сухоядением. Хотя в "Фениксе" всем нам и был открыт кредит, но я оказывался постоянным должником сверх положенной цифры. Памятный до сих пор буфетчик Ермолай Иванович, при всей своей любезности и услужливости, должен был в дальнейшем кредите мне, как и многим другим, в том числе и Некрасову, отказывать.

Однажды, в одну из безденежных минут, является ко мне Некрасов и говорит:

- Есть у тебя на обед деньги?

- Нет.

- А с "Фениксом" не расплатился?

- Отдал частицу в последнюю получку, но опять с излишком наварстал ее.

- А ведь пообедать-то нужно.

- Да, не мешает.

- Знаешь что? Отправимся-ка к Ермолаю Ивановичу и убедим его в нашей честности...

- Ну его к черту! Заскулит... кусок в глотку не полезет...

- В таком случае мы можем устроить наш обед на более благородных основаниях.

- На каких это?

- У меня с собой есть книжка со стихами, я заложу ее...

- Не примет...

- Что? Буфетчик такого просвещенного заведения, как "Феникс", не примет в залог стихов? Этого не может быть! Головой своей ручаюсь...

- Попробуй! Приходим в трактир.

- Вот, Ермолай Иванович, - начал Некрасов, отведя в сторону буфетчика, - у меня есть книжка собственных стихотворений... видите, какая толстая?.. Не возьмете ли ее на время к себе... может быть, поинтересуетесь почитать?

- Некогда нам читать-то...

- Ну, так пусть бы полежала у вас... на днях я получу деньги и возьму ее...

- Ах, вам в долг чего-нибудь надо? - догадался Ермолай Иванович и решительно произнес: - Никак нельзя-с, за вами и то уже очень много считается...

- Вовсе не в долг, а под залог, так сказать... эта книга очень дорогая...

- Я в книгах не понимаю-с и сказать ничего не могу, но если она точно дорогая, то посоветую вам продать ее...

- Ах, господи! Да на это нужно большое время!

- Что делать-с, а я не могу-с!

- Так-таки решительно отказываете?

- Совершенно.

Операция не удалась. Мы уселись с ним за свободный стол и стали выжидать какого-нибудь щедрого знакомого, который угостил бы нас обедом. Такое выжидание в то время повторялось нами неоднократно и в большинстве удавалось как нельзя лучше³.

Первая пьеса Николая Алексеевича называлась "Шила в мешке не утаишь, девушку под замком не удержишь"⁴. Написал он ее в несколько дней у нас на квартире, по переписке ее я был его усердным помощником. У нас дело шло быстро: он писал, я переписывал за тем же столом набело. Кажется, до сего времени в библиотеке императорских петербургских театров эта пьеса сохраняется в том самом виде, в каком она тогда представлена была в дирекцию, то есть написанная моею рукою⁵.

С отъездом моим в провинцию, знакомство с Некрасовым прекратилось и уже не возобновлялось вовсе по приезде моем обратно в Петербург. <...>

Примечания

Александр Алексеевич Алексеев (1822--1895), настоящая фамилия Киленин, - артист Александрійского и провинциальных театров. С Некрасовым он познакомился в начале своей артистической деятельности в 1839 году, когда будущий поэт занимался сочинением водевилей и переделывал французские пьески, к которым Алексеев как актер проявлял интерес. Их дружеские отношения продолжались до отъезда Алексеева из Петербурга в конце 1842 года.

Печатается по книге: А. А. Алексеев, Воспоминания актера, М. 1894, стр. 35--38. Впервые - "Исторический вестник", 1892, No 5, стр. 424--425.

¹ Стр. 45. "Феникс" - трактир напротив Александринского театра, был своего рода артистическим клубом.

² Стр. 45. В 1839--1840 гг. А. А. Алексеев жил на квартире вместе с режиссером Александрійского театра, водевилистом Н. И. Куликовым. Д. Т. Ленский был другом Куликова.

³ Стр. 47. Подобные же эпизоды из жизни Некрасова в Петербурге в начале 40-х годов передают другие очевидцы. Сестра Н. И. Куликова, артистка А. И. Шуберт рассказывала: "Мне горько и стыдно вспомнить, что мы с маменькой прозвали его "несчастливым".

- Кто там пришел? - бывало, спросит маменька. - Несчастный?-- И потом обратится к нему: - Небось, есть хотите?

- Позвольте.

- Акулина, подай ему, что от обеда осталось.

Особенно жалким выглядел Некрасов в холодное время. Очень бледен, одет плохо, все как-то дрожал и пожимался. Руки у него были голые, красные, белья не было видно, но шею обертывал он красным вязаным шарфом, очень изорванным.

Раз я имела нахальство спросить его:

- Вы зачем такой рваный шарф надели?

Он окинул меня сердитым взглядом и резко ответил:

- Этот шарф вязала моя мать" (А. И. Шуберт, Моя жизнь, "Academia", Л. 1929, стр. 86--87).

Н. И. Куликов, по словам артиста М. И. Писарева, рассказывал, что "Некрасов в сильный мороз часто являлся к нему, как бы весь застывший от холода, без верхнего пальто, без калош, без всяких признаков верхнего белья, с шарфом на шее" ("Новости", 1902, No 355, 25 декабря).

⁴ Стр. 47. "Шила в мешке не утаишь, - девушки под замком не удержишь" - первый водевиль Некрасова, поставленный на сцене. См. прим. 3 к стр. 55.

⁵ Стр. 47. Копия пьесы, переписанная А. А. Алексеевым, хранится в Театральной библиотеке имени А. В. Луначарского (Ленинград).